

Глава 5

Как иронично: то, чего он не хотел, было благословенно, а то, чего он действительно желал, оставалось навсегда недостижимым.

Свадьба прошла по плану.

Церемония состоялась в роскошных виллах Сяншань в центре города. Несколько лет назад Фу Хань купил всю территорию Сяншань и построил виллы на этой горе, известной своими целебными свойствами.

В тот день на свадьбу пришло много гостей, и она прошла очень оживленно. Цзи Цинъюя разбудили рано, чтобы накрасить. Визажист обхватил его лицо ладонями, повернув его влево и вправо перед зеркалом, и улыбнулся: «Господин Фу, вы выглядите просто потрясающе».

От омег ожидалось, что они будут носить ципао на своих свадьбах. Хотя многие мужчины-омеги теперь предпочитали платья в повседневной жизни, Цзи Цинъюй с детства воспитывался как бета. Его костная структура и мускулатура были больше, чем у типичного омеги, и он впервые надевал платье.

Когда Цзи Жань открыл дверь, он увидел, как Цзи Цинъюй неудобно поправляет подол своего платья.

«Вот что говорят — одежда делает человека», — заметил Цзи Жань, подходя к нему. Он взял с стола пару клипсовых сережек и прикрепил их к ушам Цзи Цинъюя. Цзи Цинъюй слегка поморщился от боли и нахмурился.

Цзи Жань вел себя как искренне доброжелательный, послушный и покорный младший брат с оттенком детской игривости.

Цзи Цинъюй не обладал исключительными актерскими способностями Цзи Жаня; его улыбка была натянутой. Цзи Жань, похоже, заметил это и вместо этого повернулся, чтобы поболтать с визажистом.

Визажист был полностью очарован его гладкой речью. «У вас, братьев, такие хорошие отношения. Слухи, которые ходят снаружи, явно не соответствуют действительности».

Цзи Жань не обиделся. Его глаза заблестели, когда он посмотрел на Цзи Цинъюя. «Конечно, в конце концов, он мой единственный брат».

После того, как визажист закончил и ушел, в комнате остались только они двое.

Улыбка Цзи Жаня осталась, но его тон изменился. «Ты стал смелым, осмелился повесить трубку».

«Была глубокая ночь. Я был измотан и нуждался в отдыхе», — Цзи Циньюй опустил голову, пытаясь оправдаться.

Лицо Цзи Жаня на мгновение потемнело. Его пальцы затанцевали по розовому столу. «Скоро мой концерт. Я буду исполнять на сцене новую песню. Ты в последнее время сочиняешь, верно?»

«Я занимался репетиторством. У меня не было времени», — Цзи Циньюй избегал взгляда Цзи Жаня, оглядываясь по комнате.

Цзи Жань прозвучал раздраженно. «Брось репетиторство. Я заплачу тебе втрое больше. Напиши для меня песню, как и раньше — ты не получишь авторских».

«...Я был слишком занят в последнее время. У меня не было времени писать».

«Тогда напиши после свадьбы», — Цзи Жань нахмурился. «Ты же не собираешься отказываться? Не забывай...»

Цзи Циньюй наконец набрался смелости и прервал его. «Давай сегодня не будем об этом говорить».

Цзи Жань замолчал на две секунды, пристально глядя на Цзи Циньюя, его выражение лица менялось непредсказуемо. Но его тон оставался таким же мягким, как всегда. «Хорошо. Сегодня твой свадебный день. Я дам тебе несколько дней — считай это свадебным подарком. Обсудим это позже».

Цзи Циньюй почувствовал, что если останется еще на минуту, то задохнется. Он повернулся и вышел. Коридор был украшен конфетти и красным шелком. Банкетный зал был заполнен знаменитостями и высокопоставленными лицами, и когда он вошел, на него обрушились разнообразные взгляды.

Под взглядами всех присутствующих Цзи Циньюй застыл.

Глава семьи Цзи и его жена также прибыли.

Цзи Циньюй никогда раньше не встречал своего биологического отца. Цзи Жань однажды рассказал ему, что его отец провел ночь с Линь Ин, будучи пьяным.

В ту ночь он был неосторожен. Поскольку Линь Ин не хотела этого, а Цзи Дэйон не

использовал средства защиты, Цзи Цинъюй был зачат случайно.

После этого Цзи Дэйон не взял на себя ответственность за Линь Ин и не согласился предоставить финансовую поддержку. Цзи Цинъюй никогда не слышал подробностей от Линь Ин; до достижения совершеннолетия он даже не знал, кто его отец.

Глава семьи Цзи, под руку с миловидной омегой, был безупречно одет и приветствовал гостей. Увидев Цзи Цинъюя, он сразу же помахал ему рукой.

Цзи Цинъюй почувствовал отвращение. Он сделал вид, что не заметил, и попытался ускользнуть.

Голос Цзи Дэйона, пропитанный притворной снисходительностью, донесся до ушей Цзи Цинъюя. «Мой сын — я его слишком избаловал».

Цзи Цинъюю хотелось смеяться. Похоже, в семье Цзи был особый ген актерского мастерства. Если бы Цзи Жань мог применить такие отточенные актерские навыки в своих фильмах, его роли в качестве приглашенной звезды не подвергались бы такой жесткой критике.

Голос Цзи Дэйона стал громче. «Цинъюй, подойди и поздоровайся с друзьями своего отца».

Слово «отец» вызвало у Цзи Цинъюя дрожь по спине. Ему стало тошно и очень некомфортно, волна неловкости поднялась от его ног до макушки. Многие люди уже смотрели в его сторону. Прежде чем он успел решить, что делать дальше, рука обхватила его плечо, и он столкнулся с твердой стеной груди.

Он поднял глаза и увидел Фу Ханя в маске.

Фу Хань не смотрел на Цзи Цинъюя. Вместо этого его пальцы ритмично похлопывали Цзи Цинъюя по плечу, крепко притягивая его к себе. «Похоже, мое опоздание расстроило моего тестя».

Лицо Цзи Дэйона сморщилось в улыбке. «Ерунда! Мы же семья. В такой радостный день как я могу расстроиться?»

Фу Хань небрежно всунул бокал с шампанским в руку Цзи Цинъюя.

Он слегка повернулся, его взгляд скользнул по Цзи Цинъюю. Его большая рука обхватила запястье Цзи Цинъюя, и он ласково пригладил волосы у его уха. «Останься со мной. Не нервничай».

Фу Хань был одет в вышитый костюм Чжуншань с узорами в виде драконов, который

подчеркивал его высокий рост и сдержанную манеру поведения. Его серьезный вид был неоспоримо привлекателен — даже Цзи Цинъюй почувствовал себя несколько подавленным. Его рука, которую держал Фу Хань, стала потной. Когда Фу Хань заметил неподвижность Цзи Цинъюя, он повернулся, чтобы посмотреть на него.

«Что такое? Тебе плохо?» Фу Хань стоял рядом, но почему-то казался далеким. Цзи Цинъюй покачал головой, отгоняя необъяснимую мысль. Он и Фу Хань прошли через серию сложных ритуалов: подписали брачный договор, выпили сладкого шампанского и, наконец, золотыми ножницами отрезали пряди волос, которые затем переплели вместе.

Фу Хань поместил переплетенные волосы в красный парчовый мешочек и прикрепил его к себе, его движения были необычайно жесткими и нерешительными.

Конфетти посыпалось, а толпа ликовала. Среди торжества Цзи Цинъюй посмотрел в глаза Фу Ханя, но они оставались такими же нечитаемыми, как и раньше, скрывая эмоции, которые он не мог разгадать.

Во время вечернего банкета он и Фу Хань приветствовали бесчисленных гостей, поднимающих тосты. Цзи Цинъюй рассеянно крутил бокал с шампанским, слушая веселую болтовню Фу Ханя, когда неожиданно всплыли старые воспоминания.

После того, как Фу Хань отругал его, Цзи Цинъюй больше не осмеливался приближаться к кладовой. Группа альфа-самцов также стала осторожнее, полагая, что Цзи Цинъюй использовал свою красоту, чтобы подняться по социальной лестнице и получить защиту Фу Ханя.

Таким образом, Цзи Цинъюй больше не подвергался преследованиям, и его школьная жизнь в Минде постепенно улучшилась.

Минде был на самом деле довольно красивым — пышная зелень, финансируемая богатыми родителями, фортепианная комната, даже специальная художественная галерея. Если не обращать внимания на интриги и классовую дискриминацию среди учеников, это было светлое и прекрасное место.

Цзи Цинъюй любил бродить по кампусу в одиночестве, записывая в блокнот свои вдохновения. Конец лета был ни слишком длинным, ни слишком коротким; теплый ветерок нес с собой легкую жару, поднимая подол белой рубашки Цзи Цинъюя. Он прикусил колпачок ручки, прислонившись к дереву, и продолжал писать.

Время летело, и школа организовала культурное представление. Учитель выделил Цзи Цинъюя из числа студентов-художников и поручил ему играть на фортепиано. «Цинъюй, мы поставили тебя в пару с нашим лучшим студентом. Поладьте друг с другом и хорошо репетируйте».

Лучший ученик — Цзи Цинъюй никогда не ожидал, что это будет печально известный Фу Хань.

Еще не успев разглядеть его лицо, Цзи Цинъюй заметил маску на Фу Хане. Фу Хань стоял в тени неизвестно сколько времени, а затем неспешно подошел к нему.

Учитель ушел, оставив их двоих на огромной сцене. Шаги Фу Ханя эхом разносились в пустом пространстве.

Цзи Цинъюй напрягся. Он всегда боялся Фу Ханя — это был инстинктивный страх, проникающий в самую глубину души. Ноги у него подкосились, но он заставил себя сесть прямо на табурет и встретить взгляд Фу Ханя.

Он не мог позволить себе потерять самообладание.

Фу Хань, казалось, был развеселен нервозностью Цзи Цинъюя. Он схватил Цзи Цинъюя за воротник, слегка наклонился, опустив глаза. «В чем дело, одноклассник? Привидение увидел?»

Как ты думаешь...

Цзи Цинъюй вцепился пальцами в пианино. Он считал этого человека совершенно неразумным, как будто тот, кто напугал его в тот день, был совсем другим человеком.

В глазах Фу Ханя драки и запугивание омег казались совершенно нормальными. Цзи Цинъюй наблюдал за ним настороженно, как испуганный кролик.

Фу Хань держал в руке черновик речи. Посмотрев на Цзи Цинъюя в течение двух секунд, он протянул руку, чтобы коснуться его лица.

Цзи Цинъюй вздрогнул, закрыл глаза и отстранился.

Рука Фу Ханя зависла в воздухе, затем он выдал насмешливый смешок: «Ты действительно такой трус».

Цзи Цинъюй открыл глаза и увидел маленький листок, зажатый между пальцами Фу Ханя. Он покраснел от смущения — листок, должно быть, прилип к нему, когда он дремал в тени дерева.

Фу Хань бросил листок в ладонь Цзи Цинъюй, не глядя на него, повернулся и лениво потянулся, приказав: «Давай репетировать».

Фу Хань отвечал за чтение стихов, а Цзи Цинъюй обеспечивал аккомпанемент. После неизвестного количества повторений Фу Хань потерел затекшую шею, подошел и пнул табуретку Цзи Цинъюя, напугав его, поскольку тот все еще смотрел на ноты.

«А?» Цзи Цинъюй не понял, что имел в виду Фу Хань. Он даже снял капу для зубов. Он инстинктивно отклонился назад, но Фу Хань снова потянул его вперед.

«Я голоден. Пойдем поедим. Ты пойдешь со мной». Фу Хань оперся одной рукой о пианино, нажал на несколько случайных клавиш, как будто ему было скучно, а другой рукой перекрыл Цзи Цинъюй путь, не давая ему уйти.

Был жаркий день. Фу Хань снял школьную куртку и бросил ее в руки Цзи Цинъюй. Только тогда Цзи Цинъюй заметил татуировку на теле Фу Ханя — свирепый зверь, сидящий на его плече, гармонично вписывающийся в его облик.

«Эта пьеса, которую ты сыграл, — я ее никогда раньше не слышал». Фу Хань направился к фуд-корму за школой. Сидя в такой оживленной, обычной обстановке, он выглядел как недостижимая фреска.

Цзи Цинъюй разделил две пары палочек, потёр их друг о друга, чтобы удалить занозы, вытер салфеткой маленькую тарелку и насыпал в неё немного чили.

«Это моя собственная композиция», — в голосе Цзи Цинъюй слышалась нотка ожидания.
«Что... что ты думаешь?»

Фу Хань посмотрел на Цзи Цинъюй и вдруг рассмеялся. Он взял жареный пельмень, съел его и не говорил, пока не проглотил. «Нормально. Могло бы быть и лучше».

«Как... как могло бы быть лучше?» Цзи Цинъюй почувствовал приступ нервозности. Он вспомнил омегу, которую укусил Фу Хань. Он несколько раз отвлекался, не мог заставить себя посмотреть на Фу Ханя и почти не имел аппетита.

Фу Хань сказал: «Тебе не кажется, что у тебя довольно хороший голос?»

«Но когда я кричал о помощи, ты же сказал мне заткнуться...» Цзи Цинъюй украдкой посмотрел на Фу Ханя и пробормотал под нос.

Фу Хань замер, ошеломленный, его глаза опасно сузились. «Повтори это?»

Цзи Цинъюй не осмелился повторить и опустил голову, сосредоточившись на еде.

Фу Хань внезапно ущипнул Цзи Цинъюй за лицо, улыбка играла на его губах, когда он наклонился и посмотрел вниз. «Теперь, когда я присмотрелся, ты неплохо выглядишь».

Они находились очень близко. Цзи Цинъюй скрестил руки на груди, едва отгоняя тепло, исходящее от Фу Ханя. Его уши покраснели; он немного боялся Фу Ханя, поэтому отвернул

глаза.

Фу Хань наблюдал за ним. Лицо Цзи Цинъюя покраснело в том месте, где его ущипнули, уголки глаз тоже покраснели. После нескольких секунд молчания Фу Хань неожиданно отпустил его. Цзи Цинъюй тихо потрогал свое лицо, чувствуя жгучую, холодную боль.

После еды Фу Хань не стал ждать Цзи Цинъюя. Заметив нетронутые пельмени перед ним, Фу Хань открыл кошелек и бросил ему несколько сотен юаней. «Иди купи себе что-нибудь».

«Не нужно», — отказался Цзи Цинъюй, но Фу Хань уже встал и ушел, не оглядываясь. «Если не хочешь, оставь».

Цзи Цинъюй сжал новые купюры, на мгновение застыл в оцепенении, а потом понял, что Фу Хань просто скучал, обедая в одиночестве.

Да, о чем он только думал...

Деньги были свежие, только что из кошелька, но на ощупь казались обжигающими.

Цзи Цинъюй сложил деньги, положил их на стол под миску и некоторое время сидел в сложных чувствах, прежде чем наконец встать, стряхнуть воображаемую пыль и попросить счет.

...

«О чем ты так глубоко думаешь?» Мысли Цзи Цинъюя вернулись к обеденному столу. Вокруг по-прежнему царил оживленная атмосфера.

Он повернул голову и заметил, что Фу Хань смотрит на него, слегка нахмутив брови — выражение его лица было где-то между беспомощностью и нетерпением.

Возможно, потому что Цзи Цинъюй был отвлечен, Фу Хань все же устроил представление перед всеми, снизойдя до того, чтобы подать ему еду. По совпадению, это был пельмень.

Цзи Цинъюй съел пельмень. Фу Хань добавил еще один, и так повторилось несколько раз. Цзи Цинъюй хотел остановить его, но Фу Хань даже не смотрел на него — он просто разговаривал с другими.

Цзи Цинъюй подумал о том, чтобы потянуть Фу Ханя за рукав под столом, чтобы напомнить ему остановиться, но этот жест казался слишком интимным. Его рука замерла рядом с рукой Фу Ханя, не двигаясь дальше. В конце концов, он заставил себя съесть более дюжины пельменей.

Один из гостей, вероятно пытаясь польстить, заметил: «У господина хороший аппетит».

«Неужели?» Фу Хань казался искренне удивленным. Он слегка усмехнулся, хотя в его смехе слышалась нотка насмешки. Его рука под столом внезапно протянулась, крепко сжала руку Цзи Цинъюя, играя с ней, сжимая снова и снова.

Уши Цзи Цинъюя запылали. Он несколько раз пытался вырвать руку, но Фу Хань только сжимал ее сильнее, переплетая их пальцы, пока он не смог пошевелиться.

Цзи Цинъюй опустил голову, не в силах больше есть. Покраснев и смутившись, он отложил палочки. Его ладони были влажными от холодного пота.

Для вас старалась команда Webnovels

Заметили опечатку или неточность? Напишите в комментариях — и мы отблагодарим вас бесплатной главой!

<http://bllate.org/book/15790/1413140>